

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

1998

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. Г. Жекулин (<i>Канада</i>). П. В. Анненков и «Отцы и дети»	3
Леа Пильд (<i>Эстония</i>). Мережковский и Тургенев	16
В. А. Келдыш. Повесть Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» и духовные искания времени	35
О. В. Сливцкая. «Что такое искусство?» (бунинский ответ на толстовский вопрос) . . .	44

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Н. Л. Дмитриева. К истории создания стихотворения А. С. Пушкина «Есть роза дивная: она...»	54
О. В. Миллер. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима»: литературные источники и датировка	58
М. Ф. Дамианиди, Е. Н. Рябов. Эта загадочная Ида Мусина-Пушкина	62
О. Б. Кафанова. Легенды о Жорж Санд в русской литературе XIX века	69
В. Е. Багно. «Красный» цикл писем Зинаиды Гиппиус к Зинаиде Венгеровой	84
Письма К. Д. Бальмонта к К. К. Случевскому (публикация О. Коростелева и Ж. Шерона)	88
«Молчание — моя основная литературная профессия». Письма Е. Замятина К. Федину (публикация Н. К. Фединой и Л. Ю. Коноваловой, вступительная статья и комментарии Л. Ю. Коноваловой)	94
Е. Р. Пономарев. О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» . . .	109
Художник и общество (неопубликованные дневники К. Федина 40-х годов) (публикация Н. К. Фединой, Н. А. Сломовой, примечания Н. А. Сломовой)	119
Е. М. Салманова. Таиров представляет «Вершины счастья» Джона Дос Пассоса (из истории русско-американских литературных связей)	129
Р. Ю. Данилевский. Ингеборг Бахман и Анна Ахматова (пересечение судеб)	137

Неоконченный рассказ Вс. Иванова «Генералиссимус» (публикация Е. А. Папковой)	146
Л. Е. Ляпина. Литературная циклизация (к истории изучения)	170

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. И. Рыжова. Н. А. Некрасов в Словении	178
Т. Г. Иванова. Новое прочтение фольклористической классики	188
В. Н. Сажин. Книги тайн и тайны книг	191
В. Н. Запевалов. В споре со временем	193
С. А. Фомичев. К проблеме текстологии пушкинских стихотворений	199

ХРОНИКА

С. В. Денисенко. Четвертая международная Пушкинская конференция	208
Б. В. Мельгунов. Вторые чтения, посвященные памяти Ф. Я. Приймы	215
Е. Р. Обатнина. Международная научная конференция «Алексей Ремизов и мировая культура»	219
Е. А. Костюхин. Столетие Мухтара Ауэзова	223
М. Д. Эльзон. «Такая короткая долгая жизнь...»	223

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ*, *Г. А. ГОРЫШИН*,
В. Я. ГРЕЧНЕВ, *Н. А. ГРОЗНОВА*, *Б. Ф. ЕГОРОВ*, *А. И. ПАВЛОВСКИЙ*,
А. М. ПАНЧЕНКО, *В. А. ТУНИМАНОВ*, *С. А. ФОМИЧЕВ*

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА»

Со времени первой Ремизовской конференции, состоявшейся в Пушкинском Доме в ноябре 1992 года, минуло пять лет. Нынешней осенью (с 22-го по 24 сентября) двери Института русской литературы вновь открылись для международной конференции, которая прошла под знаком символической в жизни и творчестве А. М. Ремизова цифры «7». В соотношении с 1997 годом год рождения Ремизова (1877), год выхода в свет его первой книги «Посолонь» (1907) и год смерти писателя (1957) дают примечательные юбилейные цифры: 120, 90 и 40. Об этой многозначной «нумерологии» и месте Ремизова в истории отечественной и мировой культуры говорил в своей приветственной речи к участникам и гостям конференции директор Института, доктор филол. наук, профессор Н. Н. Скатов.

В докладе К. Сёке (Венгрия, Сегед) «Проблема идентификации автобиографического

героя или „смерть автора“? (Об автобиографичности прозы Ремизова)» была раскрыта тема субъекта ремизовского текста. Вопрос об автобиографическом герое прозы Ремизова прочно связан с проблемой идентификации, т. е. кому тождествен или с кем не в состоянии идентифицировать себя субъект текста, к какому слою культуры он принадлежит. Такая манера повествования ориентирована на «автомета-описание» и вместе с тем внутренне диалогична. С одной стороны, текст предельно исповедален, с другой — писатель постоянно использует травестийные и пародийные механизмы, при помощи которых «остраняются» разные повествовательные манеры русской прозы XIX века. Нередко в ремизовском тексте голоса рассказчика и героя взаимозаменяемы, их автономия разрушается. Проследившая этот сложный процесс построения нарратива, К. Сёке приходит к выводу: Ремизов создает —

как позднее в прозе авангарда — ощущение иллюзорности, при котором стирается дистанция между ролями традиционной триады «автор—герой—рассказчик». Опираясь принадлежащим М. Медаричу определением «автобиографичности» и концепцией Р. Барта о десакрализации автора в нарративе XX века, докладчица предложила новый ключ к прочтению ремизовских текстов.

Выступление А. М. Грачевой (Санкт-Петербург, ИРЛИ) «Жанровые эксперименты А. М. Ремизова 1940—1950-х годов» было посвящено творческой истории повести «Мелюзина» в контексте эстетических принципов цикла «Легенды в веках». Текстологический анализ четырех черновых и одной белой редакции выявил, что во время работы над текстом «Мелюзина» Ремизов изучил по научным источникам литературную историю средневековой легенды, стилистические и жанрово трансформировавшейся при адаптации литературными разных стран, и в каждой следующей редакции своего произведения художественно преобразовывал этапы изменений легенды, постепенно приближая сюжет к его мифологической первооснове. Одновременно при работе над повестью осуществлялся новаторский поиск, в процессе которого на основе синтеза различных художественных форм создавался новый литературный жанр.

Х. Вашкелевич (Польша, Краков) в докладе «„Крестовые сестры“ А. Ремизова и „Преступление и наказание“ Ф. Достоевского», сравнивая структуру, лексику, героев, сюжеты, а также идеи двух романов, пришла к выводу, что, во-первых, роман «Крестовые сестры» является своеобразным модернистским пересказом «Преступления и наказания», на который существенное влияние оказала интерпретация романа Достоевского Л. Шестовым, а во-вторых, ремизовский роман демонстрирует его увлечение гением Ф. М. Достоевского.

Т. С. Царькова (Санкт-Петербург, ИРЛИ) обратилась к жанру эпитафии в романе Ремизова «Пруд». Исследовательница рассмотрела конкретные «эпитафии» в их стилистически-композиционной функции, как вставные малые жанры в произведении большой формы, и соотнесла их с многочисленными текстами классической эпитафии первого десятилетия XX века. Как было показано в докладе, именно в эпитафии — жанре по природе своей дидактическим и панегирическим, отразилась характерная для начала века растерянность в утверждении идеалов и ценностей, их подмена предельной эстетизацией смерти или демонстративным игровым пародированием.

Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург, ИРЛИ) на материале неизданных писем Ремизова к А. Амфитеатрову начала 1930-х годов реконструировала эстетические взгляды и взаимоотношения двух писателей, тяготевших к противоположным полюсам литературного процесса. Эпистолярный «диалог» модерниста Ремизова и позитивиста, сторонника «натурализма» Амфитеатрова позволяет выявить две

принципиально различающиеся парадигмы отношения к миру и творчеству.

Новые источники произведений Ремизова назвал в своем докладе Ю. В. Розанов (Вологда), указав на связь некоторых текстов писателя с вогульским эпосом и языком, а также с научной литературой о русском Севере.

В докладе «Старообрядчество как культурный феномен в творчестве А. М. Ремизова» Е. В. Тырышкина (Новосибирск) на основе анализа ряда текстов писателя, где мотивы старообрядчества эксплицированы как в плане содержания, так и в плане выражения, сделала вывод, что знаки культуры раскола функционируют здесь либо как положительно маркированные, либо могут быть интерпретированы в чисто эстетическом ключе. При этом исследовательница обратила внимание коллег на то, что идеологические основы раскола не играют у Ремизова особой роли. Путь преодоления Мирового Зла видится писателю в «народном христианстве», получившем свое выражение в авторской религиозно-художественной утопии о Святой Руси.

В своем выступлении «Империю текстов: „Россия в письменах“ А. Ремизова и Российское Библейское общество» Э. Мануэлян (США, Род-Айленд) подробно остановился на структурной типологии ремизовских текстов, включенных в первый том книги «Россия в письменах».

Доклад А. В. Пигина (Петрозаводск) «Древнерусская повесть о бесе Зерефере в пересказе А. Ремизова» был посвящен трем редакциям одной из ремизовских миниатюр о «кающемся бесе» («Зерефер», «Древняя злоба») 1913, 1922 и 1926 годов. Проследив связь ремизовского пересказа с древнерусским источником, другими произведениями писателя, а также с традициями «демонологической» литературы средневековья, А. В. Пигин раскрыл богословский, философский и автобиографический смысл образа Зерефера и высказал предположение, что третья редакция ремизовской повести, опубликованная на страницах религиозно-философского журнала «Путь» (Париж) в 1926 году, является своеобразной репликой писателя в религиозных спорах нового времени.

В докладе С. Н. Доценко (Эстония, Таллинн) «„И к злодеям причтен“ (тема предательства в поэме А. Ремизова „Иуда“»)» анализировались автобиографические мотивы в художественных произведениях писателя, в том числе и построенных на апокрифической сюжетной основе. Обращение Ремизова к теме предательства Иуды, как было показано в докладе, имело глубоко личные мотивы и было определено отдельными эпизодами жизни писателя, зафиксированными в ряде рефлексий, связанных с незаслуженным подозрением в предательстве, с отступничеством от революционной деятельности и с комплексом немотивированной вины, соотносимым с мифом о царе Эдипе. По мнению докладчика, легенда о Иуде-предателе и миф о царе Эдипе в трансфор-

мированном виде смыкаются в пьесе «Трагедия о Иуде принце Искаротском» (1908), которую, по-видимому, не случайно сам автор дважды (в 1912 и 1919 годах) публиковал вместе с поэмой «Иуда».

В докладе Е. Р. Обатниной (Санкт-Петербург, ИРЛИ) «А. М. Ремизов и традиция литературных кружков» выстроен ряд таких семантически схожих, но хронологически отдаленных феноменов русской культуры, как «Арзамасское общество безвестных людей» 1810-х, вологодский «Союз свободных алкоголиков» 1900-х и «Серапионовы братья» 1920-х годов, составляющих устойчивую традицию литературных кружков. Возобновление традиции происходит благодаря различным новаторским интенциям, пафосу дружбы, дружеской критике и инициативе личности, преобразующей обычное кружковое общение в литературную игру. В докладе было показано, что Ремизов как «игровая личность» и создатель «Обезьяньей Великой и Вольной Палаты» оказался в разной степени связанным и с этими союзами, и с традицией кружков в целом.

В своем выступлении «Еще раз о „Табак“» Алексея Ремизова» И. Ф. Данилова (Санкт-Петербург, ИРЛИ) остановилась на двух наиболее существенных источниках повести «Что есть Табак» (1906) — работе акад. А. Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха» (1879—1891) и книге «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инок Парфения» (1856), сопоставление с которыми позволяет выявить два принципиально разных подхода Ремизова к тексту-источнику. Если из народных легенд, приведенных в исследовании Веселовского, Ремизов позаимствовал сюжет, портрет Саврасия и ряд мелких деталей, то книга Парфения выполнила функцию переосмысленной в пародийном ключе «модели» ремизовской повести (здесь пародируются жанровые особенности, конкретные мотивы и даже размеры «Сказания»). Созвучие имен св. Генесия, мима и покровителя французских жонглеров и менестрелей в средние века, и ремизовского старца Гоносия позволило докладчице высказать предположение об имплицитной связи повести Ремизова со святочной смеховой традицией.

Доклад А. Г. Тимофеева (Санкт-Петербург) «М. А. Кузмин и А. М. Ремизов» был посвящен разбору оценок творчества Ремизова, содержащихся в статьях Кузмина (1909—1924), и комментариям по поводу упоминания имени Ремизова в рассказе «Подземные ручьи» (1922). По наблюдению докладчика, Кузмин, творческий путь которого отличался разнообразными культурными и религиозными исканиями, был склонен видеть в Ремизове своего рода эталон «русского духа», образец органической «русскости». Об этом свидетельствуют такие кузминские определения личности Ремизова, как «крупный и русский писатель» («Раздумья и недоумения Петра Отшель-

ника», 1914); «один из самых больших русских писателей» (неопубликованный инскрипт на сборнике «Глиняные голубки»). В статьях начала 1920-х годов этот взгляд претерпел изменения, за исключением формулы «такой русский человек», как бы невзначай брошенной в дневнике героини рассказа «Подземные ручьи».

К. Трибл (США, Оклахома) в докладе «Ритмическое соприкосновение искусств» обратился к творческой истории цикла пьес Ремизова «Русалия» и проанализировал эстетические принципы этого жанра. Ремизовская «Русалия», органично сочетающая музыку, танец и живопись, родилась под влиянием дягилевского балета. Самим расположением текста в издании «Русалия» 1923 года Ремизов утверждает внутреннюю взаимосвязь этих трех искусств со словом. Ритм, голосá и пластика тела графически воплощены писателем в печатном тексте. Красная строка и пробелы являются не типографическими условностями, а балетными жестами.

Г. Н. Слобин (США, Калифорния) выступила с докладом «Миф Гоголя в русской культуре 1930-х годов (Ремизов, Белый, Мейерхольд, Шостакович)». Исследовательница считает, что сам факт обращения к Гоголю, прослеживаемый в творчестве Ремизова (книга «Огонь вещей», начатая в 1930-е годы и завершенная в 1954 году), Андрея Белого («Мастерство Гоголя», 1934), Вс. Мейерхольда (постановка «Ревизора», 1926—1927) и Дм. Шостаковича (опера «Нос», 1930—1931), является культурным феноменом, свидетельствующим не только о самоидентификации писателей с образом Гоголя (Белый, Ремизов), но и о поворотном моменте в осознании ими эпохи символизма и модернизма. Конец 1920-х—начало 1930-х годов — время борьбы за будущее русской культуры, в которой миф Гоголя становится камнем преткновения в поединке между последними модернистами и наступающими супрематистами.

В докладе В. Вавере и Л. Спроче (Латвия, Рига) «А. Ремизов в Латвии» рассматривались литературные контакты Ремизова с латышскими писателями Викторсом Эглитисом, Карлисом Екабсонсом (Скаргой) и Антонсом Аустриньшем, эстетические и творческие взгляды которых сформировались в начале XX века. В. Эглитис описал свои встречи с Ремизовым в воспоминаниях, дневниковых записях, письмах и во второй части трилогии «Приключения учителя Калейса» — романе «Неотвратимые судьбы» (1926), напечатанном на латышском языке, где Ремизов выведен под именем «мифотворца Бабуки». Докладчицы показали, что произведение Эглитиса является уникальным примером рецепции как ремизовского образа, так и всей панорамы русского Серебряного века представителями иной культуры.

Выступление научного редактора Д. М. Климовой (Санкт-Петербург, ИРЛИ) было посвящено наиболее значительным аспектам текстологии изданий Ремизова. До-

кладчица остановилась на основных этапах текстологической работы: начальный — выбор основного источника текста для каждого конкретного издания, и завершающий — упорядочение орфографии и пунктуации.

Е. Г. Фадеева (Петрозаводск) в докладе «Библейские и древнерусские мотивы в повести А. М. Ремизова „Пятая язва“» на примере конкретного произведения проследила, как в творчестве писателя трансформировались библейские образы (пророк Моисей как прототип следователя Боброва), а также идеи и сюжеты памятников древнерусской литературы (идеи Закона и Благодати из «Слова...» митрополита Илариона, воплощенные в образах Боброва и Шапаева).

Исследуя автобиографический замысел книги Ремизова «В розовом блеске», С. Аронян (США, Род-Айленд) выстроила концепцию жанрового и смыслового единства романа, основанную на авторском замысле всеобъемлюще представить образ, личность и трагическую судьбу главной героини книги — супруги писателя Серафимы Павловны Ремизовой-Довкгелло. Анализируя структуру этого произведения, С. Аронян выделила основные повествовательные функции: апология, исповедь и мемуары. В первых двух частях образ Серафимы Павловны представлен в форме аполонии, в третьей части преобладает исповедальная форма от лица Ремизова, а в последних главах повествование приобретает форму мемуаров. Подобная смена регистров позволяет разносторонне и целостно обрисовать сложный и многогранный характер этой женщины.

Ю. К. Герасимов (Санкт-Петербург, ИРЛИ) в докладе «Образ Иуды в творчестве А. Ремизова» напомнил о существовании давней традиции оправдания Иуды, а также об основных версиях и мотивах его предательства в мифологической традиции. В ранней поэме Ремизова «Иуда предатель» (1903) переосмысляются евангельские эпизоды с участием Иуды. По-декадентски взвинченная рефлексия Искарриота сливается здесь с сочувственными интонациями автора. Высказав предположение о революционных и антицерковных настроениях, владевших автором поэмы, исследователь отметил, что апология Иуды была продолжена писателем и в «Трагедии о Иуде принце Искарриотском» (1908). Образ «принца Искарриотского» создан на основе народной апокрифической легенды и с евангельской почти не соотносится. Используя мифологическую фабулу сказания, Ремизов заменил все отрицательные черты характера Иуды на положительные. В заключение Ю. К. Герасимов привел ряд соображений о поэтике ремизовской трагедии, которая берет свои истоки в разнородных культурных слоях, в диапазоне от Шекспира до «новой драмы» и балагана.

Внук писателя Б. Б. Ремизов (Украина, Киев) представил реальный комментарий к

произведениям Ремизова, посвященным жизни его жены С. П. Ремизовой-Довкгелло. Сопоставляя произведения Ремизова «Оля» и «В розовом блеске» с воспоминаниями младшей сестры С. П. Ремизовой — Лидии Павловны и ее ближайшей подруги В. И. Богатко, докладчик пришел к выводу, что ряд существенных деталей и реалий был мифологизирован не только писателем, но и самой Серафимой Павловной, со слов которой описаны многие подробности ее детства и юности, а именно: год ее рождения, судьба ее собственного отца и отца В. И. Богатко, выведенного под фамилией Сташкевич, некоторые детали описания усадьбы, в которой прошло детство героини, а также образы ее предков.

Е. Д. Резников (Франция, Париж), в детстве не раз бывавший в парижской квартире А. М. Ремизова, предложил вниманию собравшихся продолжение своих воспоминаний «Ремизов и музыка», первая часть которых опубликована в сборнике «Алексей Ремизов. Исследования и материалы» (СПб., 1994). В дар музею Пушкинского Дома Е. Д. Резников передал реликвию семьи Ремизовых, связанную с рождением писателя.

А. Б. Сосинский (Москва), так же как и Е. Д. Резников с детства принадлежавший к узкому кругу людей, близко знавших Ремизова в парижский период его жизни, рассказал об эпизодах своего личного общения с писателем.

Первый день работы конференции был завершён открытием выставки «Сказки Алексея Ремизова в детских рисунках и иллюстрациях художницы Веры Павловой» и презентацией юбилейного издания книги Ремизова «Посолонь», выпущенного в свет Издательством Ивана Лимбаха. Принципы этого издания пояснила составитель И. Ф. Данилова. Поскольку первая книга была написана Ремизовым для маленькой дочки Наташи, символичным было появление на открытии выставки юных художников, которые вполне органично соединились с ученой аудиторией конференции под добрым взглядом А. М. Ремизова, улыбавшегося с портрета.

Конференция завершилась обсуждением докладов, в котором приняли участие: Б. Б. Ремизов, А. Б. Сосинский, Г. Н. Слобин, А. М. Грачева, А. А. Данилевский, С. Н. Доценко, К. Сёке и др. Традиционный ход подведения итогов неожиданно, но в полном соответствии с поэтикой самого Ремизова, был нарушен приятной и в некотором смысле мистической акцией: каждый участник конференции был возведен в кавалеры «Обезьяньей Великой и Вольной Палаты» вручением обезьяньей грамоты, подписанной царем Асыкой «собственнохвостно». С этим благословением коллеги продолжили общение в неформальной обстановке.

© Е. Р. Обатнина